

прежде всего как представителя духовенства, защищавшего интересы церкви и ее земельные владения.⁷⁶ Однако другие направления общественной мысли конца XV в. — ересь, направление Нила Сорского — не получили отражения в книге Г. В. Плеханова. Историю общественной мысли под влиянием борьбы дворянства с боярством он начинает с Пересветова; борьба боярства с духовенством отражается в «Беседе валаамских чудотворцев», а борьба царя с боярством — в переписке Курбского с Иваном Грозным. Классовая борьба в прямом смысле этого слова — борьба антифеодалов с феодалами — в сущности не нашла отражения в работе Г. В. Плеханова. Горожане XV—XVI вв. не представлялись ему активной политической силой: «наши города не были тем, чем были западноевропейские политические общины»; отсюда и «политическая инертность городского населения», и то обстоятельство, что «русские монархи в своей борьбе с крупным землевладением опирались не столько на горожан, сколько на мелкое служилое сословие».⁷⁷ Отсутствие на Руси политически активного «третьего сословия» было, по мнению Г. В. Плеханова, следствием обстоятельств, «замедливших экономическое развитие России и приведших к закреплению государством всех общественных сил». «Ввиду этих обстоятельств, — писал Г. В. Плеханов, — можно было бы а priori сказать, что движение общественной мысли на Руси должно совершаться очень медленно сравнительно с западноевропейскими странами, находившимися в более благоприятных условиях».⁷⁸

В историографии уже была отмечена определенная зависимость этой концепции от концепции Милюкова, делавшая ее как бы реформированным вариантом милюковской схемы. Особенности развития России как страны, «колонизовавшей при условиях натурального хозяйства», «однообразие занятий и постоянная подвижность населения» хотя и не приводили, по мнению Г. В. Плеханова, к полному отсутствию классовой борьбы в этой стране, но препятствовали «углублению тех классовых различий, которые возникают вследствие общественного разделения труда».⁷⁹ Было бы, однако, едва ли справедливо, если бы мы объясняли сходство выводов Плеханова и Милюкова сходством их теоретических посылок: Плеханов строил свою работу в значительной степени как антитезу к милюковским «Очеркам истории культуры»; мнение Милюкова о «полной исторической самобытности России» представлялось Плеханову научным анахронизмом, отголоском взглядов «людей сороковых годов» XIX в.⁸⁰ Представление Плеханова о чрезвычайной медленности «движения общественной мысли» России XV—XVI вв. диктовалось скорее конкретным материалом, имевшимся в его распоряжении, нежели теоретическими соображениями. Не будучи специалистом в области древнерусской литературы и истории, он вынужден был пользоваться данными, собранными прежними исследователями. Для характеристики Иосифа Волоцкого Г. В. Плеханов мог воспользоваться интересными наблюдениями, сделанными М. Дьяковым; для истории других общественных движений конца XV в. подобных материалов у него не было.

С аналогичной трудностью встретились и два современных Г. В. Плеханову автора — М. Н. Покровский и Н. М. Никольский. В предисловии к своей «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровский

⁷⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., [1914], стр. 133—142.

⁷⁷ Там же, стр. 88 и 150.

⁷⁸ Там же, стр. 133.

⁷⁹ Там же, стр. 82.

⁸⁰ Там же, стр. 8.